

ЗАПАДНАЯ МЕМУАРИСТИКА И ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ИНОСТРАННЫХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТАХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

А. М. МАТВЕЕВ

В произведениях ряда западных авторов освещаются или затрагиваются различные вопросы истории военнопленных и движения иностранных интернационалистов в Средней Азии. Будучи частными по отношению к теме Октябрьской революции и гражданской войны в Средней Азии, эти вопросы все же представляются весьма важными. Исследование их помогает проследить влияние Октября на революционизирование солдатских масс армий капиталистических стран, приводит к выводу об объективной обусловленности международной солидарности трудящихся. Однако буржуазные историки, как правило, рассматривают данную проблему с субъективистских позиций, стремясь подкрепить общие тезисы буржуазного советоведения о сугубо «русском» характере Октябрьской революции на национальных окраинах России и о Красной Армии, как главной силе, извне «внедрявшей» там Советскую власть, оправдать вооруженную интервенцию стран Антанты в Сибири и Средней Азии.

Западную литературу, в которой попутно или специально освещается тема военнопленных и иностранных интернационалистов в Средней Азии, можно разделить на две группы. Первую составляют воспоминания и дневники, а также монографии и статьи, написанные на их основе. Впервые появившись в 20-х годах, произведения подобного рода продолжают выходить и поныне¹. За редким исключением они весьма субъективны и тенденциозны, чтобы служить надежным историческим источником. В них содержится много неверных цифровых данных и ложных утверждений. Беспомощно выглядят, например, экскурсии известного английского разведчика Ф. Бейли и некоторых других очевидцев в историю

¹ W. Malleson. The British Military Mission to Turkestan, 1918—1920. «The Journal of Central Asian Society», 1922, vol. IX, part II; L. V. Blacker. On Secret Patrol in High Asia, London, 1922; Joseph Castagné. Les Basmatchis. Le mouvement national des Indigènes d'Asie Centrale depuis la Révolution d'Octobre 1917 jusqu'en Octobre 1924, Paris, 1925; Rudolf Köstenberger. Sechs Jahre in Turkestan. Graz, [Б. р.]; его же. Mit der Roten Armee durch Russische Zentralasien, Graz, 1925; Fritz Willfort. Turkestanisches Tagebuch. Sechs Jahre in russische Zentralisien, Wien, 1930; A. N. Brun. Troublesome Times. Experiences in Bolshevik Russia and Turkestan, London, 1931; Gustaw Krist. Prisoner in the Forbidden Land, London, 1938; его же. Alone through the Forbidden Land, London, 1939; I. K. Todd. The Malleson Mission to the Transcaspian in 1918. «Royal Central Asian Journal», January 1940; F. M. Bailey. Mission to Tashkent, London, 1946; C. H. Ellis. The Transcaspian Episode (1918—1919). «Royal Central Asian Journal», April 1959, part II; его же. The Transcaspian Episode 1918—1919, London, 1963.

завоевания Туркестана царизмом². Вместе с тем в мемуарах можно встретить интересные личные наблюдения и впечатления, которые позволяют сделать выводы, идущие вразрез с их общей тенденцией, и при дополнении документальными материалами способствуют созданию более полной общей картины того или иного события. Когда, например, представитель Красного Креста датчанин А. Брун рассказывает, что, несмотря на все его увещевания, многие военнопленные продолжали переходить на сторону Советской власти, то это лишний раз свидетельствует о притягательности идей коммунизма, идей интернациональной солидарности трудящихся.

Вторую группу составляют исследования по истории первой мировой войны, истории СССР, Средней Азии и сопредельных стран, международных отношений на Среднем Востоке и т. п.³ Их научный уровень весьма низок. Выводы, касающиеся важнейших моментов в судьбе военнопленных, не документированы; опираясь на мемуаристику, профессиональные историки Запада выбирают из нее субъективные и ложные оценки и не обращают внимания на факты, противоречащие их схемам.

В данной статье мы постараемся указать на наиболее существенные упущения, умолчания и ложные утверждения буржуазных авторов, которые искажают действительную картину истории движения иностранных интернационалистов в Средней Азии. Наиболее важными вопросами, тенденциозно освещаемыми в западной мемуаристике и историографии и требующими специального разбора, являются следующие: отношение пленных к Февральской и Октябрьской революциям; пленные в Туркестане и военные планы Антанты; численность военнопленных и роль красноармейцев-интернационалистов в гражданской войне в Средней Азии⁴.

* * *

В ряде работ буржуазных авторов с большей или меньшей последовательностью проводится мысль, что Октябрьская социалистическая революция не оказала на пленных большого влияния, что в сущности никакого революционного движения среди них не было и если какая-то часть пленных вступала в Красную Армию или другими способами поддерживала Советскую власть, то делала это стнюдь не добровольно. Так, О. Кэроу пишет, что пленные служили большевикам «в обмен за освобождение и пищу во время голода»⁵. Ему вторит К. Эллис, утверждающий, что пленным была предоставлена «альтернатива вербовки в армию или голодной смерти»⁶. В одном из номеров английского журнала «Сред-

² Бейли утверждает, будто при взятии Ташкента русскими войсками командовал генерал Кауфман, а не Черняев. Ирония Бейли по адресу «невежественных» большевиков, снявших памятник генералу Кауфману, на пьедестале которого якобы было написано о его заслугах при завоевании Ташкента, оборачивается против самого автора (см. F. M. Bailey. Op. cit., pp. 154, 155).

³ P. Sykes. A History of Persia, vol. II, London, 1921; «Official History of the War (1914—1918)», vol. IV, «Mesopotamian Campaign», London, 1927; W. Kolarz. Russia and Her Colonies, London, 1953; O. Caroe. Soviet Empire, London, 1954; G. Lenczovsky. Russia and the West in Iran 1918—1948, New York, 1949; его же. The Middle East in World Affairs, New York, 1953; V. Monteil. Les Musulmans Soviétiques, Paris, 1957; A. Park. Bolshevism in Turkestan, 1917—1927, New York, 1957; Baymirza Hayit. Turkestan in XX Jahrhundert, Darmstadt, 1956; его же. Some Problems of Turkestan History. An Analysis of Soviet Attacks on the Alleged Falsifiers of the History of Turkestan, Düsseldorf, 1963; D. Footman. Civil War in Russia, London, 1961; «The Revolt in Transcaspian 1918—1919». «Central Asian Review», vol. VII, 1959, No. 2; «The Basmachis. The Central Asian Resistance Movement 1918—1924». «Central Asian Review», vol. VII, 1959, No. 3; «Foreign Prisoners of War 1917—1918». «Central Asian Review», vol. IX, 1961, No. 3; «The Red Army in Turkestan, 1917—1920». «Central Asian Review», vol. XIII, 1965, No. 1.

⁴ Частично некоторые из этих вопросов были затронуты автором в полемике с редакцией журнала «Central Asian Review» (см. «История СССР», 1963, № 1).

⁵ O. Caroe. Op. cit., p. 103.

⁶ «Royal Central Asian Journal», April 1959, part II, p. 138.

неазиатское обозрение» читаем, что помимо голода в ряды Красной Армии пленных загнало прямое принуждение. «Туркестанской Красной Армии было трудно найти рекрутов, ибо пролетариат был малочислен и местное русское население не проявляло особого желания завербовываться в нее,— пишет анонимный автор статьи «Красная Армия в Туркестане в 1918—1920 гг.».—...В этих обстоятельствах Ташкентское советское правительство довольно безжалостно использовало иностранных военнопленных... Многие «интернационалисты», как их стали называть, вступили в армию, ибо это было единственным спасением от голода»⁷. По мнению Д. Ленцовского, пленные вступали в Красную Армию только потому, что «в ее рядах они надеялись пробить себе путь из России домой»⁸.

В этих «разъяснениях» поражает прежде всего то, что пленные предстают совершенно аполитичной и аморфной массой, не выдающей и проблесков классовой сознательности. Если верить Эллису, Бейли, Парку и другим, то такое колоссальное, потрясшее мир событие, как Октябрьская революция, не произвело на пленных немцев, австрийцев, чехов, венгров, румын и др. никакого впечатления — как будто ее и не было! Как развивалось отношение пленных к окружающему их миру, что привлекало их внимание, чем они активно интересовались — обо всем этом читатель ничего не узнает из книг западных авторов.

Между тем процесс осмысления действительности начался среди пленных не в октябре и даже не в феврале 1917 г., после краха царизма, а ранее. В числе собеседников пленных уже в 1916 г. были революционно настроенные русские рабочие и солдаты. Они рассказывали пленным о революции 1905—1907 гг., о последующей борьбе трудящихся России и Средней Азии против царизма и эксплуатации⁹. Под их воздействием некоторую политическую активность начинают проявлять те пленные, которые состояли раньше в социал-демократических партиях Запада¹⁰. Постепенно отчужденность между пленными, русским населением и охраной лагерей начинает сменяться взаимным интересом, сочувствием и взаимопониманием. Конечно, ни в 1916 г., ни в начале 1917 г. еще не сложились условия для совместных выступлений пленных с русскими и тем более коренными трудящимися (общение с которыми затруднялось различиями в религии, быте, культуре и т. д.) против царизма. Поэтому пленные не приняли и не могли принять участия в национально-освободительном восстании 1916 г. Однако оно способствовало усилению у пленных интереса к окружающей жизни, к населению Средней Азии.

Свержение самодержавия еще в большей мере вызвало их политическое пробуждение. В связи с этим Временное правительство (в лице

⁷ «Central Asian Review», vol. XIII, 1965, № 1, p. 34—35. См. также этот журнал за 1961 г. (vol. IX, № 3, p. 246).

⁸ G. Lenczovsky. Russia and the West in Iran 1918—1948, p. 28. Об этом же говорит Л. Блэкер (указ. соч., стр. 22, 26). А. Брун объясняет приток пленных в Красную Армию страстью к грабежу (указ. соч., стр. 79, 80).

⁹ Чех В. Почандо (Почистка), например, рассказывает, что в Средней Азии ему неоднократно приходилось беседовать с солдатами охраны на различные темы, в том числе и о революции 1905—1907 гг. (В. Почандо (Почистка). Воспоминания. Хранятся у автора статьи). Венгр Ивани сообщает, что в Ташкенте в артиллерийских казармах антивоенно настроенные солдаты охраны приносили в лагерь «различную литературу», а солдат, знавший немецкий язык, регулярно передавал пленным важнейшие сведения из газет (См. ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 44, л. 2—6). Немец Э. Ирмшер, работавший на строительстве Семиреченской железной дороги, вспоминает, что солдаты охраны, несмотря на запрещение начальства, часто беседовали с пленными на политические темы (копии воспоминаний Э. Ирмшера и другие материалы о нем нам прислали руководители Аннабергской организации СЕПГ; автор приносит этим товарищам свою благодарность).

¹⁰ В 1916 г. в Самарканде, в казармах 5-го полка, рабочий Иोजеф Секеи, член Венгерской социал-демократической партии, объединил вокруг себя группу, которая «занималась пропагандой революционного учения Карла Маркса среди военнопленных» (См. сб. «За Советский Туркестан», Ташкент, 1963, стр. 336, 337).

Туркестанского комитета), иностранные представительства и попечительства всячески старались оградить военнопленных всех национальностей от влияния революционного движения, развернувшегося в центре России и в Средней Азии после февраля 1917 г. В апреле 1917 г. командование штаба Туркестанского военного округа образовало комиссию по военнопленным, которая, в свою очередь, создала в лагерях (прежде всего ташкентских) комитеты и союзы «вспомоществования» и улучшения условий¹¹. Эти комитеты заботились о снабжении пленных, создавали среди них хоры, оркестры, клубы, библиотеки, театральные труппы, оказывали наиболее нуждающимся солдатам материальную помощь.

Однако значительная часть пленных, несмотря на свою политическую неопытность и влияние буржуазно-националистической идеологии, сравнительно быстро увидела разницу между буржуазным Туркестанским комитетом Временного правительства и организациями революционных масс — Советами. Целые группы солдат и отдельные офицеры обращались в ташкентский и другие Советы с уверениями в солидарности и просьбами об улучшении положения. Солдаты предлагали также свои услуги и просили о переходе в русское подданство¹².

Ослабление лагерного режима способствовало тому, что пленные, работающие в городах, начали посещать митинги, устанавливать связи с солдатскими комитетами, с большевиками. В Черняеве (Чимкенте) при участии большевиков чехословацкая организация «Свобода» (председатель Ченек Губач) в мае 1917 г. устроила «Сокольский праздник», выручка от которого была передана в пользу детей русских солдат¹³.

Некоторые пленные вели среди своих товарищей антивоенную революционную агитацию. В Самаркандском лагере, например, этим занималась возникшая еще в 1916 г. группа под руководством члена венгерской социал-демократической партии Йожефа Секеи. Установив связь с большевиками, она стала действовать под их руководством¹⁴. Австриец К. Фишер принимал участие в революционной агитации в Кокандском лагере, венгр Г. Ф. Ремеш — в одном из ташкентских лагерей¹⁵. В лагере города Туркестан группа пленных (словак Г. Сенчек, хорват А. Неннер, венгр Ш. Можы и др.) при поддержке руководимого большевиками солдатского гарнизонного комитета выступила против привилегий собственных офицеров¹⁶. Под влиянием революционного подъема в России пленные устраивали забастовки с требованиями повышения заработной платы и улучшения условий жизни. На протяжении июля — октября 1917 г. несколько таких забастовок произошло на ташкентском сельскохозяйственном складе, управляющий которого объяснял поведение пленных именно «влиянием общего нашего положения»¹⁷.

В этих условиях у отдельных политически активных пленных начинает складываться убеждение об общности их классовых интересов с интересами местных трудящихся. «Нам становилось все яснее, — писал об этом времени немец Ганс Цебровске, находившийся в Чимкенте, — что наша судьба была тесно связана с судьбой трудящихся Средней Азии. Только их победа могла принести нам освобождение»¹⁸. Неудивительно

¹¹ ЦГВИА, ф. 1396, оп. 5, д. 55, л. 5, 6, 16, 20, 129, 131; ЦГА УзССР, ф. И-738, оп. 1, д. 3, л. 81, 82, 106, 107.

¹² ГА Ташкентской обл., ф. 10, оп. 13, д. 37, л. 114, 128; ф. 14, оп. 13, д. 37, л. 109; ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 1969, л. 152.

¹³ Коллекция документов интернационалиста Ч. Ф. Губач, стр. 1, 5, 6 (хранится у автора статьи). О связях пленных с солдатскими комитетами см. также ЦГА УзССР, ф. И-738, оп. 1, д. 3, л. 47, 48, 83, 94, 95 и др.; «Былые походы». Воспоминания словацких красноармейцев. Пер. с словацкого, М., 1961, стр. 214, 215, 218.

¹⁴ Сб. «За Советский Туркестан», Ташкент, 1963, стр. 336, 337.

¹⁵ ГА Ташкентской обл., ф. 14, оп. 2, д. 5547, л. 1; ф. 14, оп. 1, д. 2437, л. 12; д. 3059, л. 1—3 и др.

¹⁶ «Былые походы», стр. 215—216.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1—734, оп. 1, д. 54, л. 3, 6, 7, 312, 333.

¹⁸ «Weltenwende — wir waren dabei», Berlin, 1962, S. 151, 152.

поэтому, что в конце октября 1917 г. отдельные пленные в рядах революционного I-го Сибирского полка, при котором они работали, приняли непосредственное участие в боях против сторонников Туркестанского комитета Временного правительства в Ташкенте¹⁹. Пленные, работавшие в пекарне, снабжали хлебом отряды восставших. Значительная группа пленных, находившаяся в городской крепости, отказалась помогать защитникам старой власти²⁰. В Верном (Алма-Ате), в Самарканде и других местах отдельные революционно настроенные пленные и эмигранты также помогали русским и местным трудящимся в борьбе за установление Советской власти²¹.

Октябрьская социалистическая революция произвела на всех пленных огромное впечатление. Офицер Фриц Вильфорт записал в своем дневнике: «9 ноября 1917 г. было в нашем (Скобелевском — А. М.) лагере днем, который принес огромное возбуждение. Экстренная телеграмма сообщала, что в Петербурге Совет рабочих и солдат захватил всю власть и свергнул Временное правительство... Мир, хлеб и землю обещала новая революция... В Ташкенте было вооруженное восстание, о котором сообщили наши ташкентские товарищи... Впечатление, которое произвел в нашем лагере манифест о мире, трудно описать... Больше всего было разговоров о мире и возвращении на родину... 2 декабря опять было днем светлейшей радости в нашем лагере, когда мы впервые получили надежное известие о начале мирных переговоров»²².

Конечно, было бы неверно думать, что все пленные одобрили все перемены, происшедшие в результате социалистической революции. Многие офицеры — выходцы из эксплуататорских классов — настороженно и враждебно встретили Октябрь. Они увидели в нем угрозу своему привилегированному положению в плену и благополучию на родине. Их особенно возмущала демократизация в лагерях. Австрийский офицер Герман Проль в марте 1918 г. писал из Перовска (Кзыл-Орда) в Чехию своему знакомому Иоганну Мойзичу: «...Нам живется все хуже. Вчера комендант крепости, простой солдат, отнял у нас денщиков. Теперь даже старые служаки... должны делать самую грубую работу... носить пищу, таскать дрова, чистить сапоги и одежду»²³. Немалая часть освобожденных пленных заняла колеблющуюся позицию. Поначалу эти люди были охвачены растерянностью и недоумением. Но большинство пленных — представителей трудящихся классов — инстинктивно или сознательно тянулось к Советской власти. Фриц Гнифке рассказывает: «Немецкий солдат, я в 1915 г. попал в плен и был отправлен в Ташкент. Здесь я встретил Октябрьскую революцию. Она открыла и нам, пленным, тогда еще мало знавшим о политических и революционных выступлениях в России, путь к свободе. В это время я впервые услышал имя Ленин»²⁴.

В этих условиях октябрьский переворот, декреты о мире и о земле, «Декларация прав народов России», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», «Обращение ко всем мусульманам России и Востока» и другие постановления новой власти вызывали особый интерес у пленных. Практическое осуществление этих декретов, последующие мероприятия Советского правительства и в особенности его прин-

¹⁹ ЦГАСА, ф. 28361, оп. 1, д. 64, л. 10, 11.

²⁰ ГА Ташкентской обл., ф. 14, оп. 1, д. 574, л. 1—3; «Былые походы», стр. 203.

²¹ «Алма-Ата — столица Казахской ССР», Алма-Ата, 1960, стр. 80—82; «Октябрьская социалистическая революция и пражданская война в Туркестане». Воспоминания участников, Ташкент, 1957, стр. 594; «Былые походы», стр. 217—218.

²² F. Willfort. Op. cit., S. 116—119.

²³ ЦГАСА, ф. 25859, оп. 3, д. 33, л. 291.

²⁴ «Казахстан в огне гражданской войны». Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Казахстане, Алма-Ата, 1960, стр. 151.

ципиально новое отношение к пленным превращали многих из них, прежде всего трудящихся, в сторонников новой власти, а некоторых — в активных борцов за ее укрепление.

Лагерный режим был полностью отменен. Лагеря из мест заключения превратились в места жительства и питания пленными. Некоторые из них переселились на частные квартиры, реквизированные у буржуазии²⁵. Несмотря на бедность бюджета и скудность продовольственных ресурсов, Советское правительство Туркестана выделяло средства и продовольствие на содержание освобожденных пленными²⁶. Не следует забывать и о том, что в Туркестане, который с середины 1918 г. находился в кольце фронтов, не хватало рабочей силы. Бывшие пленные имели поэтому возможность свободно устраиваться на работу по своим специальностям, получая за равный труд заработную плату, одинаковую с заработной платой местных рабочих. Австриец Р. Кёстенбергер, например, начал работать в типографии штаба. «Я был очень доволен своим новым положением, — свидетельствует он. — Здесь в первый раз за время моего плена я получил отдельную кровать с матрацем и покрывалом, а также приличную пищу и полную свободу. Жалования выдавалось 45 рублей ежемесячно... Положение остальных пленных также значительно улучшилось. Почти все нашли в городе работу по своим специальностям и жили довольно прилично»²⁷.

В 1918—1920 гг. тысячи иностранных трудящихся работали на железных дорогах, на угольных копях и нефтепромыслах, на заготовке дров, саксаула, на немногочисленных заводах, фабриках, в мастерских, в медицинских учреждениях, в органах народного образования, культуры, в наркоматах, исполкомах Советов и прочих учреждениях Ташкента и других городов, были заняты в сельском хозяйстве²⁸. В ходе гражданской войны их численность непрерывно возрастала. По далеко неполным данным в июне 1918 г., например, из 24 285 взятых на учет здоровых бывших пленными 13 085 (в том числе 152 офицера и врача) работали в различных советских учреждениях и на предприятиях. К маю 1919 г. из 21 330 учтенных здоровых бывших пленными работало 15 300 человек²⁹.

Огромную роль в привлечении освобожденных пленными на сторону Советской власти сыграла систематическая воспитательная работа большевиков Туркестана. Надо сказать, что, отрицая добровольный характер движения интернационалистов, некоторые западные авторы в то же время проговариваются, что «коммунистическая агитация» среди пленными «привлекала многих из них на сторону большевистского дела»³⁰. Однако читатель не найдет у этих авторов сведений о том, как велась «коммунистическая агитация», и, главное, почему она привлекала пленными на сторону «большевистского дела».

В действительности уже в январе — феврале 1918 г. Исполком Ташкентского Совета посылал своих представителей в места жительства пленными³¹, оказывал содействие возникшему в январе комитету военнопленных социалистов. 4 марта было принято специальное решение «об

²⁵ R. Köstenberger. Mit der Roten Armee durch Russische Zentralasien, S. 2—4.

²⁶ В 1918 г. на содержание освобожденных пленными было ассигновано, например, почти 45 млн. рублей (см. ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 51, л. 63, 66, 72; д. 188, л. 16, 17 и др.). Средства на содержание бывших пленными отпускались и в 1919—1920 гг. (см. ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 29, л. 1, 5 и др.).

²⁷ R. Köstenberger. Sechs Jahre in Turkestan, S. 34—35.

²⁸ ГА Ташкентской обл., ф. 10, оп. 13, д. 37, л. 173; д. 27, л. 13; ф. 10, оп. 1, д. 78, л. 250, 251, 266—272; д. 52, л. 316—318, 340—343; ф. 23, оп. 1, д. 5, л. 15—23; ЦГАСА, ф. 25859, оп. 6, д. 33, л. 1, 3, 8—12, 16, 18—20; д. 82, л. 373, 374, 421; ф. 110, оп. 2, д. 441, л. 7, 177 и т. д.

²⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 18, л. 38, 39; д. 132, л. 12, 13; ГА Ташкентской обл., ф. 10, оп. 13, д. 37, л. 72.

³⁰ G. Lenczovsky. Russia and the West in Iran, 1918—1948, p. 28.

³¹ «Weltenwende — wir waren dabei», S. 168.

устройстве митингов среди военнопленных под лозунгом «Долой войну!» и о «записи желающих вступить в Красную гвардию»³². На митингах и собраниях бывшим пленным разъяснялись внешняя политика и внутреннее положение Австро-Венгрии и Германии, международное и внутреннее положение Советской России, разоблачались происки контрреволюции. В результате все большее число бывших пленных освобождалось от влияния реакционных офицеров, получало политическое воспитание в духе интернационализма³³. На митинге 14 апреля 1918 г., где было объявлено об официальном освобождении пленных и признании их иностранными гражданами, что вызвало огромный энтузиазм, ораторы «стали винить в мировой войне мировую буржуазию и посылать проклятья императорам Вильгельму и Францу-Иосифу»³⁴.

Некоторые западные авторы упоминают о вступлении бывших пленных в ряды коммунистов, об их партийной организации. Однако они приводят об этой организации предельно краткие и далекие от действительности сведения. Так, Ф. Бейли утверждает, что ее руководящий орган назначался советскими властями и назывался «Комитетом контроля над пленными»³⁵. Это совершенно не соответствует истине. Не было никакого «Комитета контроля», существовал Краевой комитет иностранных коммунистов, который избирался на краевых конференциях (2—8 декабря 1918 г. состоялась I-я конференция иностранных коммунистов, 20 марта—7 апреля 1919 г.—II-я, 20 сентября—3 октября—III-я)³⁶.

Противоречит фактам утверждение западных авторов, будто пленные вступали в Красную Армию, вынуждаемые голодом и прямым насилием³⁷. О том, как обстояло дело в действительности, рассказывают сами участники событий. Так, пишет Рудольф Кёстенбергер, когда советские власти обратились к военнопленным с призывом вступать в армию, «в Ташкентском военном собрании был созван митинг военнопленных, на котором выступали народные комиссары... Наши представители отвечали комиссарам, что русское правительство не имеет никакого права мобилизовать нас, иностранцев, но если в наших рядах найдутся добровольцы, то им не будет оказано никаких препятствий. При последовавшем голосовании почти половина присутствующих военнопленных высказалась за вступление в Красную Армию»³⁸. Немец Фриц Гнифке рассказывает, что однажды их лагерь посетила группа русских рабочих. Они сказали: «Мы боремся за освобождение пролетариата у нас и во всем мире». «Я думал о словах этих товарищей, — продолжает Ф. Гнифке, — и мало-помалу я вспоминал свое убогое детство в одном из восточнопрусских дворянских имений... Перед моими глазами стояла безрадостная жизнь моих родителей, и я подумал, что мне также нечего другого ожидать, если я, неквалифицированный сельскохозяйственный рабочий, вернусь на родину... Мне стало ясно, что я принадлежу к рабочему классу... я вступил в Красную Армию с мыслями бороться за себя и своих немецких товарищей по классу»³⁹.

Военнопленных, сознательно становившихся на сторону Советской власти и добровольно вступавших в Красную Армию, было большинство.

³² ГА Ташкентской обл., ф. 10, оп. 1, д. 45, л. 47, 70, 71.

³³ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 117, л. 451, 506; ГА Ташкентской обл., ф. 10, оп. 13, д. 37, л. 77, 156; «Наша газета», Ташкент, 1, 2 августа 1918 г.

³⁴ «Красный фронт», Ташкент, 22 октября 1919 г.

³⁵ F. M. Bailey. Op. cit., p. 150.

³⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 191, л. 4, 39; «Известия», Скобелев, 24 апреля 1919 г.; «Известия», Ташкент, 27 сентября, 18 октября 1919 г. и др. Подробнее об этом см. А. М. Матвеев. Иностранные коммунисты в Туркестане (1918—1920 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1961, № 3.

³⁷ Во время гражданской войны, естественно, могли иметь и имели место отдельные случаи принудительных мер по отношению к освобожденным пленным.

³⁸ R. Köstenberger. Mit der Roten Armee durch Russische Zentralasien, p. 6—8.

³⁹ «Weltenwende — wir waren dabei», S. 168.

И если уж говорить о принуждении, то следует сказать, что по отношению к пленным оно применялось опекавшими их иностранными представителями, собственным реакционным офицерством, правительствами Австро-Венгрии и Германии с целью помешать созданию единого интернационального фронта трудящихся⁴⁰.

* * *

Ряд английских и американских авторов внушают, будто находившиеся в Средней Азии военнопленные могли быть использованы наступавшими в конце 1917 — начале 1918 г. в Закавказье и по направлению к Баку турками и германцами для дальнейших операций через Иран, Закаспий и Афганистан против Индии. Отсюда делается вывод, что миссия Денстервиля и английская интервенция в Туркмении, а также засылка английского разведчика Бейли в Ташкент отнюдь не были направлены против Советской власти — они не имели якобы никаких других целей, кроме заботы Англии о безопасности Индии⁴¹. Миссия Бейли, подчеркивается, например, в журнале «Среднеазиатское обозрение», была послана в Советскую Россию якобы с единственной целью «исследовать возможности убеждения Ташкентского Совета воздержаться от поставок хлопка наступающим германской и турецкой армиям и не дать многим тысячам германских и австрийских военнопленных быть завербованными наступающими немцами для операций против Индии»⁴².

Причины и цели английской интервенции против Советской России, как интервенции империалистической, несостоятельность тезиса об «обороне Индии» и других версий достаточно убедительно показаны в работах советских историков⁴³. Поэтому мы кратко остановимся только на вопросе о мнимой возможности использования находящихся в Средней Азии пленных для германо-турецких операций на подступах к Индии.

До начала и в ходе первой мировой войны германский генеральный штаб на самом деле разрабатывал планы наступления на Средний Восток. В ходе попыток реализации этих планов в начале 1915 г. через Иран в Афганистан была направлена германо-турецкая миссия⁴⁴. Часть этой миссии во главе с полковником О. Нидермайером и дипломатом фон Гентигом ускользнула от преследовавших ее русских и английских отрядов и к октябрю 1915 г. сумела достичь Кабула⁴⁵. В Афганистане к этому времени уже находилось несколько десятков солдат австро-венгерской армии, бежавших из лагерей Туркестана. В конце 1915 г. в Кабул прибыли бежавшие из Самаркандского лагеря австрийские офицеры: капитан Штейнер, обер-лейтенант Э. Рыбичка и лейтенант Ру-

⁴⁰ Подробнее об этом см. «История СССР», 1963, № 1, стр. 207—208.

⁴¹ L. V. Blacker. Op. cit., pp. 5, 6; O. Caroe. Op. cit., p. 103; C. H. Ellis. The Transcaspian Episode, 1918—1919, p. 18; G. Lenczovsky. The Middle East in World Affairs, pp. 111—112.

⁴² «Central Asian Review», vol. VII, 1952, No. 2, p. 126.

⁴³ См. Л. И. Миросников. Английская экспансия в Иране (1914—1920 гг.), М., 1961; его же. Германская угроза Индии и английская экспансия в Иране в 1914—1920 гг. «Народы Азии и Африки», 1963, № 6; Е. А. Штейнберг. История британской агрессии на Среднем Востоке, М., 1951; М. В. Попов. Несостоятельность концепции об обороне Индии в современной английской историографии. «Краткие сообщения Института народов Азии», вып. 73. М., 1963, и др.

⁴⁴ См. М. А. Бабаходжаев. Миссия Нидермайера-Гентига в Афганистане 1915—1916 гг. «Краткие сообщения Института востоковедения», вып. 34, М., 1960.

⁴⁵ См. О. Нидермайер. Афганистан. Пер. с нем. Литография [Б. М. и ч.], стр. VII—XI; Э. Рыбичка. В гостях у афганского эмира. Пер. с нем., М., 1935, стр. 36, 37.

ланд, инженер по образованию. Эти офицеры, как и солдаты, были привлечены к деятельности германской миссии. Используя панисламистские настроения среди господствующих классов, в частности влиятельную группировку, возглавляемую принцем Насрулло-ханом (братом эмира), и стремление афганского народа к независимости, миссия старалась вовлечь эту страну в войну против Англии на границах Индии⁴⁶. Однако стремление миссии втянуть Афганистан в войну, не представляя ему никакой реальной военной поддержки, довольно быстро привело к охлаждению прогерманских настроений⁴⁷. К маю 1916 г., убедившись в бесплодности дальнейших переговоров, О. Нидермайер и фон Гентиг с большей частью миссии несколькими группами покинули Афганистан.

Правда, в июле 1916 г., когда в Средней Азии началось национально-освободительное восстание против царизма, оставшиеся в Кабуле австрийские офицеры совместно с Насрулло-ханом составили план использования военнопленных, находящихся не только в Афганистане, но и в Туркестане⁴⁸. Но и этот план был очередной беспочвенной авантюрой. Инициаторам его даже не удалось приступить к его реализации. Незадолго до отъезда из Кабула, как сообщает Рыбичка, заговорщики «были выданы эмиру несколькими из изменивших нам людей»⁴⁹.

В последующее время никаких других источников опасности для Индии на Среднем Востоке уже не было, тем более, что к 1917 г. и в особенности к 1918 г., т. е. уже после Октябрьской революции, заключения Брестского мира и отвода русских войск из Ирана и с Кавказского фронта, стало совершенно ясно: центральные державы настолько ослабли, что несмотря на захват в сентябре 1918 г. Баку турками, уже не могут организовать никакой диверсии ни в Среднюю Азию, ни тем более в сторону Афганистана и Индии. Это понимали и некоторые непосредственные проводники германской экспансионистской политики на Востоке. Совсем не случайно О. Нидермайер считал, что последствия этих планов на Востоке могли бы быть для Германии весьма значительными лишь в случае, если бы «центральные союзники в Европе оказались бы победителями»⁵⁰.

Замалчивая эти обстоятельства (или не зная их?), западные авторы стараются убедить читателей в том, что для Индии в 1918 г. снова возникла опасность того, что германо-турецкие войска, продвинувшись из Баку, смогут использовать для операций против Индии многие тысячи находившихся в Средней Азии и освобожденных Советской властью пленных⁵¹. При этом некоторые буржуазные авторы в число опасных для Индии антибританских элементов зачисляют и туркестанских коммунистов, а подразделения Красной Армии, состоящие из бывших военнопленных, не стесняются называть «руководимыми коммунистами германскими и австрийскими войсками». «Советское сотрудничество с Германией, присутствие руководимых (русскими. — А. М.) коммунистами германских и австрийских войск в Туркестане, коммунистическая пропаганда, исходившая из Ташкента, и возможность слияния германо-турецких элементов в Закавказье с другими антибританскими силами в Туркестане, вызвали значительную тревогу в британских кругах и были главными факторами, заставившими их предпринять экспедицию в Туркестан», — писал Д. Ленцовский⁵². Но кайзеровская Германия была не

⁴⁶ Р. Т. А х р а м о в и ч. Великая Октябрьская революция и утверждение национальной независимости Афганистана. Сб. «Великий Октябрь и народы Востока», М., 1957, стр. 212, 213; Э. Р ы б и ч к а. Указ. соч., стр. 36—37.

⁴⁷ «Международные отношения в эпоху империализма». Серия III, т. 8, ч. II, М.—Л., 1935, стр. 424, 425.

⁴⁸ Э. Р ы б и ч к а. Указ. соч., стр. 58, 59.

⁴⁹ Там же, стр. 60—64, 75—84.

⁵⁰ О. Н и д е р м а й е р. Указ. соч., стр. IV.

⁵¹ См. «Central Asian Review», vol. VII, 1959, № 2, стр. 126.

⁵² G. L e n c z o v s k y. The Middle East in World Affairs, p. 111.

меньшим врагом Советской России, чем Англия и другие империалистические державы. Неужели Ленцовскому неизвестно, что весной 1918 г. германское правительство навязало нашей стране грабительский, кабальный Брест-Литовский договор, а затем неоднократно нарушало его?

Совершенно несостоятельно утверждение, будто вступившие в Красную Армию пленные могли быть использованы германским командованием и, следовательно, правомерно говорить о «руководимых коммунистами германских и австрийских войсках». В Красную Армию, как мы видели выше, вступали прежде всего революционно настроенные пленные, которые осуждали милитаристскую политику своих правительств, боролись против нее. Совсем не случайно шведская миссия Красного Креста, датский делегат А. Брун и в особенности Германская комиссия отнюдь не поощряли, а активно мешали вступлению пленных в ряды Красной Армии. Они запугивали солдат, симпатизировавших Советской власти, лишали их и их семьи на родине пособий, протестовали перед правительством Туркестана⁵³ и даже требовали, чтобы для австро-венгерских пленных был восстановлен тюремно-лагерный режим⁵⁴. Германская комиссия своим давлением и прямыми запрещениями настолько возмутила освобожденных пленных, что вынуждена была в сентябре-октябре 1918 г. просить ташкентские военные власти о прикомандировании к ней охраны из «достойных русских солдат»⁵⁵.

Но даже если отвлечься от приведенных выше обстоятельств, то и тогда придется признать, что у германского командования не было шансов организовать из освобожденных пленных воинские подразделения. Во-первых, среди примерно 32 тыс. (а не около 200 тыс.) пленных было от 13 до 14 тыс. южных и западных славян и других представителей угнетенных Австро-Венгрии и Германией национальностей, в большинстве сдавшихся в плен добровольно и настроенных антигермански. Во-вторых, к весне — лету 1918 г. большинство пленных, вне зависимости от социальной и национальной принадлежности, совсем не хотели воевать за интересы Габсбургов и Гогенцоллернов. Они не спешили эвакуироваться из Туркестана, ибо на родине им угрожала новая отправка на фронт. Даже попытки иностранных попечительств и Германской комиссии в январе — июле 1918 г. установить в лагерях военную дисциплину и власть офицеров бывшие пленные встретили очень враждебно.

Наконец, если в Средней Азии и на ее границах в те годы и велась подрывная деятельность, то она была направлена не против Англии или Индии, а против Советской власти. Не английская ли миссия Маллесона вступила в союзные отношения с ашхабадским антисоветским «правительством» и руководила открытой английской интервенцией в Закаспии? Не глава ли другой английской миссии подполковник Бейли, прибывший в Ташкент с официальной задачей побудить советские власти принять меры предосторожности против угрозы турецко-германского продвижения от Баку, злоупотребив корректным отношением этих властей, перешел на нелегальное положение и более года активно сотрудничал с силами внутренней контрреволюции, пытавшимися свергнуть Советскую власть в Ташкенте? Блэкер, Брун, Бейли неоднократно проговариваются о том, что они поддерживали дружеские отношения с русскими и узбекскими контрреволюционерами, пользовались их помощью и содействием⁵⁶.

⁵³ А. Н. Вгун. *Op. cit.*, pp. 104, 106, 107, 120; «Наша газета», Ташкент, 20 июля, 1 августа 1918 г.

⁵⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 78, л. 12—14.

⁵⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 110, л. 13; д. 65, л. 113 и др. См. также «Красный фронт» (Ташкент) от 22 октября 1919 г.

⁵⁶ L. V. Blacker. *Op. cit.*, p. 29, 30; А. Н. Вгун, *Op. cit.*, pp. 115, 120, 123, 130, 131, 134—136, 143—146, 153—156, 161, 177, 178, 181—184, 208, 209, 213; F. M. Bailey. *Op. cit.*, pp. 113—120, 150, 158, 159, 168, 195, 196.

Аналогичной антисоветской деятельностью занимались после Ноябрьской революции 1918 г. лишенные официальных полномочий германская комиссия и другие представительства, опекавшие австро-венгерских пленных. Так, глава этой комиссии лейтенант Циммерман сблизился с местными контрреволюционными элементами, оказался причастным к Осиповскому антисоветскому мятежу (в январе 1919 г. в Ташкенте) и после его подавления бежал в оккупированный англичанами Закаспий⁵⁷.

Таким образом, официальные и неофициальные представители нейтральных и воюющих держав, руководители миссий, проантантовских и других национальных организаций и обществ пытались использовать пленных в своих интересах. Их объединяло стремление оградить пленных от идей Октябрьской революции, враждебное отношение к Советской власти. Со стороны буржуазных авторов в высшей степени наивно рассчитывать на то, что читатели поверят, будто иностранные интернационалисты, боровшиеся за большевистскую программу справедливого мира без аннексий и контрибуций, представляли некую «военную угрозу для Индии», как, впрочем, наивно и пытаться оправдать этой «угрозой» вооруженную интервенцию Англии в Закавказье и Средней Азии.

* * *

В значительной части литературы сообщается, что за время мировой империалистической войны в Среднюю Азию было завезено примерно 180—200 тыс. военнопленных. Но в вопросах о дальнейшей их судьбе и численности мнения западных авторов расходятся. Ф. Бейли и некоторые другие утверждают, будто от эпидемий, голода и тяжелых условий жизни погибло большинство пленных и к 1918 г. в Туркестане оставалось не более 33—35 тыс. военнослужащих Австро-Венгрии и Германии⁵⁸. В статьях, опубликованных в журнале «Среднеазиатское обозрение», говорится, что пленным грозила голодная смерть⁵⁹.

Л. Блэкер отмечает, что зимой 1917—1918 гг., то есть уже при Советской власти, из 180 тыс. не менее «90 тыс. умерли от тифа и голода» и т. д. В противовес этому из книги Д. Ленцовского следует, что почти все 200 тыс. пленных дожили до Октябрьской революции и гражданской войны⁶⁰. О. Кэроу и ряд авторов избегают приводить численные данные и уклончиво замечают, что в Средней Азии находились «тысячи» или «многие тысячи» австро-венгерских и германских пленных⁶¹.

Как обстояло дело в действительности? В Среднюю Азию военнопленные начали завозиться с сентября 1914 г.⁶², а к лету 1915 г. в более чем 30 лагерях было уже расквартировано около 150 тыс. человек⁶³. Положение пленных действительно ухудшалось по мере того, как росла их численность, а продовольственные и другие ресурсы Туркестана со-

⁵⁷ См. А. М. Матвеев. Иностранцы коммунисты в Туркестане (1918—1920 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1961 г., № 3, стр. 119; А. Н. Брун. *Op. cit.*, стр. 179.

⁵⁸ См. F. M. Bailey. *Op. cit.*, pp. 40—41; «Central Asian Review», vol. IX, 1961, No. 3, p. 246; C. H. Ellis. The Transcaspian Episode, 1918—1919, p. 18.

⁵⁹ «Central Asian Review», vol. IX, 1961, № 3, p. 246; vol. XIII, 1965, No. 1, p. 34.

⁶⁰ L. V. Blacker. *Op. cit.*, p. 22; см. также B. Hayit. Turkestan im XX Jahrhundert, S. 76, 178; G. Lenczovsky. The Middle East in World Affairs, p. 111.

⁶¹ O. Caroe. *Op. cit.*, pp. 116—118; «Central Asian Review», vol. VII, 1959, № 2, p. 125.

⁶² ЦГВИА, ф. 1396, оп. 4, д. 67, л. 184; ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 32, д. 19, л. 38, и др.

⁶³ ЦГВИА, ф. 1396 оп. 4, д. 89, л. 110, д. 73, ч. II, л. 854. В документах упоминается и о 180—190 тыс. пленных (см. ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 1942, л. 91; д. 1963, л. 229 и др.). В этих цифрах, по-видимому, не были учтены встречные перевозки пленных, происходившие на линии железной дороги Оренбург — Ташкент с июня 1915 г. Цифра в 180—190 тыс. пленных не подтверждается другими материалами.

кращались⁶⁴. В особо тяжелое положение попадает большое число пленных в 1915—начале 1916 гг., когда в сильно перенаселенных лагерях — в Троицком (под Ташкентом), в летнем Самаркандском и в «Золотой орде» — от эпидемий тифа, малярии и других заболеваний, недостатка продовольствия, медикаментов и медицинского обслуживания и т. д. погибло несколько тысяч, возможно, до 5—10 тыс. человек⁶⁵.

Но 150 тыс. или немногим более пленных находились в Туркестане сравнительно недолго. Уже с июня — июля 1915 г., прежде всего в связи с нехваткой рабочей силы в центральных районах России и по другим причинам из Туркестана начинают вывозиться многочисленные партии пленных. К декабрю 1915 г. в Туркестане оставалось около 87 тыс. пленных, а к концу 1916 — началу 1917 гг. от 35 до 40 тыс. пленных⁶⁶. В последующее время в Туркестан привозились и вывозились из него сравнительно небольшие партии и группы военнопленных⁶⁷.

На протяжении конца 1917 — начала 1918 гг. по различным причинам (частичная эвакуация и самовольный отъезд в центр, бегство в сопредельные страны, смерти от старых ран, болезней, растворение среди населения с принятием и без принятия подданства России и т. д.) численность пленных постепенно уменьшается. К середине 1918 г. в Средней Азии насчитывалось немногим более 32 тыс. (30979 солдат и 1401 офицер) пленных. Свыше 90% (91,1% — 29491 чел.) приходилось на военнослужащих многонациональной австро-венгерской армии и только около 9% (8,9% — 2889 чел.) — германской армии⁶⁸.

Максимальное уточнение численности пленных на всем протяжении войны важно потому, что в работах многих западных авторов этот вопрос несет значительную «служебную нагрузку» следующего рода. С одной стороны, не приводя данных о динамике и причинах роста и уменьшения количества пленных на всем протяжении войны, Ф. Бейли и английские историки, группирующиеся вокруг «Среднеазиатского обозрения», тщатся создать впечатление о невыносимо тяжелых условиях жизни пленных как главной причине вступления их в ряды Красной Армии — ради куска хлеба. С другой стороны, завышение численности пленных к началу гражданской войны в Средней Азии служит для некоторых авторов подкреплением тезиса о том, что интернационалисты были главной «ударной силой» Советской власти, без которой последняя не удержалась бы под натиском местных националистических сил, поддерживаемых коренным населением. «Пред лицом мятежа местного населения... и других антибольшевистских центров сопротивления... Ташкентский Совет организовал Красную Армию, которая отчасти состояла из железнодорожных рабочих и войск, недавно выведенных из Персии, или бывших гарнизонных войск, но в основном из военнопленных», — пишет К. Эллис⁶⁹. О. Кэроу, пожалуй, наиболее ясно формулирует этот тезис, так «объясняя» причины конечной победы советской влас-

⁶⁴ См. «Туркестанские ведомости», 15 и 26 января, 17 февраля, 1 марта, 24 марта, 5 апреля 1916 г.; «Туркестанский курьер», 14 июля 1916 г.

⁶⁵ См. ЦГВИА, ф. 1396, оп. 5, д. 45, л. 184; оп. 4, д. 70, ч. II, л. 999, 1000; R. Köstenberger. Sechs Jahre in Turkestan, S. 22. Установление более точной цифры погибших требует проведения большого специального исследования.

⁶⁶ ЦГВИА, ф. 1396, оп. 4, д. 89, л. 110; д. 64, л. 176; «Россия в первой мировой войне (в цифрах)», М., 1925, стр. 40.

⁶⁷ ЦГА УзССР, ф. И-739, оп. 1, д. 1 «а», л. 15; ф. И-738, д. 3, л. 60; ЦГВИА, ф. 1396, оп. 5, д. 55, л. 31; «Россия в первой мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)», стр. 40.

⁶⁸ ЦГАСА, ф. 25859, оп. 3, д. 33, л. 351; ЦГА УзССР, ф. Р-39, оп. 1, д. 29, л. 2; ф. Р-25, оп. 1, д. 18, л. 38—39; ГА Ташкентской обл., ф. 10, оп. 13, д. 56, л. 3; д. 37, л. 122, 123.

⁶⁹ См. статью С. Н. Ellis. The Transcaspian Episode (1918—1919), p. 108. Эту мысль повторяет С. Зеньковский, тоже считающий, что большевики опирались на железнодорожных рабочих, русских солдат, но главным образом на «подразделения австро-венгерских и германских военнопленных» (S. Zenkovsky. Pan-Turkism and Islam in Russia, Cambridge, Mass., 1960, pp. 225—231).

ти в Средней Азии: «Интересно, что действительной силой, которая вытянула их (большевиков.— А. М.) из кризиса, были в основном венгерские и австрийские военнопленные, верно служившие им в обмен за освобождение и пищу»⁷⁰.

Мы уже показали, что главной причиной, побуждавшей пленных вступать в Красную Армию, был пролетарский интернационализм, искренняя братская поддержка Советской власти и стремление защитить завоевания Октября от сил контрреволюции. Бесспорно, роль интернационалистов в гражданской войне в Туркестане была значительной, и народы советских республик всегда будут с благодарностью помнить имена тех, кто вместе с ними отстаивал завоевания Октябрьской революции от белогвардейских и интервенционистских сил. Но столь же бесспорно и то, что вклад интернационалистов в дело защиты Советской власти отнюдь не был решающим условием ее победы в Средней Азии — революции никогда не совершались благодаря помощи «извне».

Пытаясь обосновать свой заведомо ложный тезис, западные авторы преувеличивают численность Красной Армии Туркестанской республики и интернационалистов-добровольцев в ее рядах. Д. Ленцовский, например, заявляет, что ташкентские большевики организовали из освобожденных пленных воинские соединения, которые «добавили около 200 тыс. вооруженных солдат к красноармейским соединениям»⁷¹. Баймирза Хаит «пополняет» ряды Красной Армии Туркестана «приблизительно 90 000 военнопленными»⁷². Бейли считает, что Красная Армия Туркестана в 1918 г. «состояла приблизительно из 16 тыс. солдат». «Красная Армия,— пишет он,— состояла в основном из военнопленных. Германские и австрийские военнопленные составляли фактически спинной хребет Красной Армии»⁷³.

Обратимся к действительной истории создания Красной Армии в Средней Азии. Первые красновардейские отряды в Туркестане возникли в дни социалистической революции, которая в Ташкенте победила 1 ноября 1917 г. 28 ноября (11 декабря) 1918 г. Совнарком Туркестана принял официальное решение об организации Красной гвардии, а на IV Краевом съезде Советов (19—26 января 1918 г.) было принято постановление о реализации декрета правительства РСФСР о формировании Рабоче-Крестьянской Красной Армии⁷⁴. Эти постановления положили начало созданию вооруженных сил Туркестанской республики. С момента возникновения в красновардейские отряды и подразделения Красной Армии добровольно вступали русские, украинцы, узбеки, казахи, туркмены и представители других коренных национальностей. В Ташкентском боевом отряде, например, 1-я рота состояла из узбеков. В сформированной в январе 1918 г. в «старом» Ташкенте красновардейской дружине насчитывалось около 500 ремесленников, дехкан и чернорабочих местных национальностей⁷⁵. К весне 1918 г. вооруженные силы Туркестана насчитывали свыше 8 тысяч человек⁷⁶.

С конца 1917 — начала 1918 гг. в Ташкенте и в других городах Средней Азии в Красную гвардию начинают вступать бывшие военнопленные. На протяжении 1918 г., и особенно после революции в Австро-Венгрии и Германии, приток интернационалистов в Красную Армию

⁷⁰ О. Сагое. *Op. cit.*, p. 98.

⁷¹ G. Lenczowsky. *Russia and the West in Iran 1918—1948*, p. 32.

⁷² B. H a i i t. *Turkestan im XX Jahrhundert*, S. 178.

⁷³ F. M. B a i l e y. *Op. cit.*, pp. 51, 52, 148, 149.

⁷⁴ «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане». Сб. док., Ташкент. 1947, стр. 104, 109.

⁷⁵ «Труды Музея истории УзССР», вып. III, 1956, стр. 23.

⁷⁶ ГА Ташкентской обл., ф. 10, оп. 1, д. 89, л. 89; ф. 10, оп. 13, д. 424, л. 80; «Военный работник Туркестана», 1922, № 5—6, стр. 74.

значительно усилился⁷⁷. В результате в 1918—1919 гг. во многих подразделениях Туркестанской Красной Армии вместе с русскими, украинцами, узбеками, казахами, туркменами и т. д. служили добровольцы — чехи, словаки, венгры, немцы, поляки, румыны, иранцы, афганцы, турки и другие.

В одних случаях интернационалисты были сведены в отделения, взводы, роты, эскадроны, батальоны, иногда в полки и даже бригады, в других — служили в одних подразделениях с местными красноармейцами. Однако даже в так называемых интернациональных частях наряду с зарубежными добровольцами служили местные трудящиеся⁷⁸. В конце 1918 — начале 1919 гг. на Закаспийском фронте находилось около 6 тыс. красноармейцев, из которых примерно 2 тыс., т. е. одна треть, являлись интернационалистами различных западных и восточных национальностей⁷⁹. К маю — июню 1919 г. численность интернационалистов в войсках фронта уменьшилась до 1100—1200 человек (вследствие демобилизации и подготовки эвакуации пленных советскими и партийными органами Туркестана)⁸⁰. Таким образом, подавляющее большинство в частях Закаспийского фронта составляли русские красноармейцы и красноармейцы местных национальностей.

Во второй половине 1918 г. во всей Туркестанской Красной Армии, насчитывающей примерно 10—12 тыс. бойцов⁸¹, служило до 2500 интернационалистов⁸², что составляло свыше 20% ее численности. В это время завершалась демобилизация старой армии, и ее солдаты, как и все население, с одной стороны, испытывали огромную усталость от длительной империалистической войны, а с другой — еще не полностью осознали необходимость решительной борьбы с силами внутренней и внешней контрреволюции, которая начинала поднимать голову. С конца второй половины 1918 — начала 1919 гг. многонациональное трудящееся население Средней Азии в большей степени, чем раньше, осознает необходимость защищать завоевания Октября. Наряду с набором добровольцев, армия начинает пополняться и путем мобилизации русского и коренного населения, успеху которой в большой степени способствовал начавшийся поворот среднего крестьянства в сторону Советской власти. К сентябрю 1919 г., когда в вооруженных силах Туркестана насчитывалось от 21 до 22 тыс. красноармейцев⁸³, среди них было от 2700 до 3 тыс. добровольцев-интернационалистов⁸⁴, т. е. не менее 13—14%. В январе 1920 г., уже после восстановления связи с центром, в войсках Туркестанского фронта служило 32 539 русских красноармейцев и красноармейцев местных национальностей (89,4%). Прочих, т. е. главным образом интернационалистов, было 3839 (10,6%)⁸⁵.

⁷⁷ ГА Ташкентской обл., ф. 10, оп. 13, д. 38, л. 151; «Известия», Ташкент, 13, 18, 20, 27 ноября 1918 г.; «Известия», Скобелев, 14 (1) ноября 1918 г.; «Известия», Коканд, 17 ноября 1918 г.; «Голос Самарканда», 13 ноября 1918 г.; А. Н. В у н. О р. с и т., стр. 169—173.

⁷⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-1291, оп. 1, д. 12, л. 415, 425 и др.; ЦГАСА, ф. 110, оп. 19, л. 12, л. 2.

⁷⁹ ГА Ташкентской обл. ф. 764, оп. 1, д. 1, л. 58 и др.

⁸⁰ ЦГАСА, ф. 110, оп. 23, д. 1, л. 64; ЦГА УзССР, ф. Р-39, оп. 1, д. 128, л. 5.

⁸¹ А. К. А ф а н а с ь е в. К истории строительства Красной Армии в Туркестане (1918 г.). Сб. «Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г.», М., 1956, стр. 497.

⁸² А. Х. К л е в а н с к и й. Некоторые вопросы истории чехословацких революционных организаций в России (1917—1921 гг.) в связи с новейшими работами чехословацких историков. «История СССР», 1958, № 5, стр. 221.

⁸³ ГА Ташкентской обл., ф. 754, оп. 1, д. 1, л. 58.

⁸⁴ «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922 гг.)», М., 1957, стр. 399.

⁸⁵ А. К. А ф а н а с ь е в. Указ. соч., стр. 504.

Итак, мы видели, что освещение истории движения иностранных интернационалистов в ряде работ буржуазных авторов используется для подкрепления распространенных на Западе ложных версий о социалистической революции в Средней Азии и ее движущих силах. Критический анализ этих работ с привлечением документального материала, свидетельствующего о действительном положении вещей, позволяет сделать вывод о несостоятельности попыток умалить влияние идей Октябрьской революции на пленных, находившихся в Средней Азии, отрицать факты интернациональной солидарности трудящихся. Не выдерживает критики и попытка подкрепить тезис о незаинтересованности среднеазиатских народов в социалистических преобразованиях посредством изображения интернационалистов как главной ударной силы и опоры Советской власти. Эти утверждения являются, как нам кажется, результатом не только субъективистского тенденциозного подхода тех, кто его выдвигает, но и результатом игнорирования документальных материалов, используемых в трудах советских историков. Упорное стремление буржуазных авторов отстоять искусственные, не соответствующие фактам схемы вынуждает их обращаться к узкому и давно известному кругу источников, повторять обветшалую пропагандистскую аргументацию.

